

ББК 60.524.4

С. Г. Айвазова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕНДЕРНОГО ПОРЯДКА В СТРАНАХ СНГ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ И ЭФФЕКТЫ МАССОВОЙ ПОЛИТИКИ

Создание Евразийского экономического союза на базе стран — участников СНГ в мае 2014 г., а также массовые протесты 2013—2014 гг., переросшие в вооруженные конфликты на постсоветском пространстве, стали импульсом к написанию этой статьи — во многом постановочной, не претендующей на всеохватное освещение темы. Поместив в центр работы проблему трансформации гендерного порядка на пространстве СНГ¹, я исходила из того, что гендер эвристичен по своей природе. Он является таким инструментом политологического анализа, который позволяет обнаружить тенденции социального процесса, дает возможность понять, что лежит в основе происходящих событий.

В рамках неинституционализма, одного из направлений современного общественного знания, гендерный порядок определяется как институционализация осознаваемых половых различий. Гендер же рассматривается как важнейший институт, который наличествует во всех областях жизни — в экономике, на рынке труда, в политике, семье, государстве (см. подробнее: [1]). И как любой институт, он подвержен трансформациям. Э. Остром, нобелевский лауреат в области экономики за 2009 г., в свое время справедливо отметила: «В широком смысле институты — это предписания, которые люди используют для организации всех форм повторяющихся и структурированных взаимодействий, в том числе в рамках семьи, соседей, рынков, фирм, спортивных ассоциаций, церквей, частных ассоциаций и правительств на всех уровнях. Индивиды, взаимодействующие в структурированных правилами ситуациях, стоят перед выбором в отношении действий и стратегий, которые они предпринимают и которые приводят к последствиям для них самих и для других» [20, р. 5].

К проблеме трансформации гендерного порядка на пространстве СНГ с разных сторон и в разное время обращались такие авторитетные исследователи, как О. Воронина [4], Е. Гапова [5], Т. Журженко [9], Е. Здравомыслова и А. Тёмкина [10] и другие. Мои исходные позиции совпадают с общими интенциями их анализа. И главное, пожалуй, заключается в том, что каждая из нас признает неразрывность и взаимообусловленность формирования

© Айвазова С. Г., 2014

Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ № 13-03-00338 «Массовая политика в России: институциональные основания мобилизации, представительства, участия и действия» (руководитель С. В. Патрушев, Институт социологии РАН, Москва).

¹ Для сопоставления в статье будут также использоваться ссылки на ситуацию в странах Балтии: Латвии, Литве, Эстонии.

национальных и гендерных идентичностей, тесную связь гендерных репрезентаций с проектами национального строительства.

Но прежде чем перейти к анализу трансформации гендерного порядка на постсоветском пространстве, напомним об истории создания СНГ. Она по-своему знаменательна. Решение о создании Содружества Независимых Государств было принято в глуши Беловежского заповедника 8 декабря 1991 г. лидерами трех республик — Белоруссии, России и Украины, входивших до этого момента в СССР. Они подписали «Соглашение о создании Содружества Независимых Государств», которое вошло в историю под неформальным названием «Беловежское соглашение». СНГ было задумано как региональная международная организация, призванная регулировать вопросы сотрудничества между бывшими республиками СССР. Вслед за этим Президент Казахстана Н. Назарбаев предложил собраться уже более широким составом лидеров этих республик для уточнения позиций по вопросу о соглашении. Встреча состоялась 21 декабря 1991 г. в Алма-Ате. На нее приехали главы 11 республик: Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Молдавии, России, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и Украины. Отсутствовали 3 балтийские республики: Латвия, Литва, Эстония, а также Грузия. Результатом встречи стало подписание Алма-Атинской декларации. В ней излагались принципы построения СНГ в качестве добровольного образования, которое не является надгосударственным и действует с учетом принципа равноправия стран — участниц данного договора. В 1993 г. действительным членом СНГ стала Грузия, в 2009 г. она покинула Содружество. Украина, не ратифицировавшая Устав СНГ, сохранила статус его учредителя, но де-юре так и не вошла в число его участников. Устав СНГ объявлял одной из главных целей его деятельности обеспечение прав и свобод человека [16]. Таким образом, достижение гендерного равноправия как одной из составляющих обеспечения прав и свобод человека также вошло в функционал СНГ.

В багаже государств — участников Содружества на момент его основания имелся советский опыт выравнивания социальных позиций женщин и мужчин, который сформировал особый гендерный порядок. Каким был этот порядок? Противоречивым — в чем-то плодотворным, в чем-то сугубо декларативным. Женщины получили право на труд, но более четырехсот профессий были для них закрыты. Женщины получили право на образование, но такие престижные вузы, как МГИМО или МФТИ, оказались для них недоступными. Женщины получили право на общественно-политическую деятельность, но далеко не на всех этажах государственного управления. И так далее. В рамках сюжета этой статьи важно подчеркнуть, что социальные эффекты советской эмансипации в каждой из национальных республик имели свои особенности². И тем не менее в главных своих чертах советский гендерный порядок был для всех единым. Его можно определить как государственный патернализм, основанный на формальной норме равноправия полов и скрытой дискриминации женщин (см. подробнее: [1, с. 72]). Потенциально в ситуации исторической

---

² На этот факт обращает внимание А. Тёмкина в своей замечательной книге «Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой» [17, с. 12—13].

неопределенности, возникшей в момент распада СССР и формирования новых независимых государств, этот порядок мог претерпеть изменения — как в сторону обеспечения реального равенства возможностей женщин и мужчин, так и в сторону углубления неравенства между ними. Подчеркну, что выбор гендерного вектора развития был значим, в том числе и для общего самоопределения новых независимых государств. Почему?

Авторитетный политолог Ч. Тилли, рассуждая о характерных для современной эпохи политических процессах, описывает их в терминах «демократизация» и «де-демократизация». В его концепции эти процессы обеспечиваются, в числе прочего, «нарастанием или ослаблением... *основных категориальных неравенств*» в сфере публичной политики [18, с. 40]. Тилли так поясняет свою мысль: «Социальное неравенство задерживает демократизацию и подрывает демократию в двух случаях: во-первых, когда устойчивые различия... превращаются в обычное категориальное различие по расе, полу, классу... во-вторых, когда эти категориальные различия прямо претворяются в публичную политику» [18, с. 136]. С этой точки зрения категориальные неравенства разрушают демократическую политику: они вводят большой ресурс неравенства в политическую жизнь. В свою очередь, понятие «неравенство» Тилли раскрывает как «отношения между лицами или группами лиц, когда в результате их взаимодействия одна группа получает большие преимущества, чем другая» [18, с. 137]. Отсюда вывод: до тех пор пока в том или ином государстве неравенство преимуществ, т. е. неравенство прав и жизненных шансов (включая шансы тех, кто разделен по признаку пола), предопределяет характер принятия решений, влияние образцов и норм традиционной политической культуры будет явно перевешивать силу права как неотъемлемого атрибута модернизации.

Выбор в пользу демократизации или де-демократизации, а также модернизации или традиционализма и должны были сделать новые независимые государства, возникшие в конце 1991 г. на пространстве распавшегося СССР. Напомню, что они появились на свет под лозунгами десоветизации. Эти лозунги требовали перехода от мнимой к подлинной демократии, от государственного контроля к свободному рынку. Провозглашение идеалов демократии и свободного рынка сопровождалось в тот момент распространением дискурса прав женщин и гендерного равноправия (например, в среде активисток формировавшегося во всех этих странах независимого женского движения). Одновременно с этим другие акторы (например, служители различных религиозных культов) стали настойчиво напоминать о необходимости возвращения к истокам родной для каждой из этих стран культуры, к традиционным ценностям, а также о традиционных ролях и обязанностях мужчин и женщин. Какое-то время сохранялись и советские подходы к решению «женского» вопроса (к примеру, у государственных чиновников, активистов прокоммунистических партий). Противостояние разнонаправленных гендерных подходов поставило национальные власти перед необходимостью выбора одного из них. На начальном этапе государственного строительства практически все они де-юре сделали выбор в пользу институциональных логик современной демократии. Конституции всех этих государств либо напрямую гарантировали равноправие женщин и мужчин, либо провозглашали запрет на дискриминацию по признаку пола [6, с. 13—154, 263—463].

Выбор был знаковым. Фактически международному сообществу подавался сигнал о намерении государств СНГ войти в клуб стран с четкой демократической ориентацией, об их стремлении быть принятыми в этом клубе. Такое членство сулило не просто признание со стороны «старших» демократий, но еще и экономические выгоды. Оно обещало финансовую поддержку от «старших», включая приход в эти страны различного рода международных программ, частных благотворительных и правозащитных фондов и т. д., что было насущно необходимо в условиях распада прежних экономических связей между республиками, трудностей становления новых экономических порядков. Сигнал был услышан. Но понадобилось его усилить. Международное сообщество в лице его крупнейших организаций — ООН со всеми ее подразделениями в виде ЮНИФЕМ (Фонд поддержки женщин) и др., Всемирного банка, Азиатского банка развития и др. — требовало не просто введения нормы гендерного равноправия в Основные законы, но и ее развития в других законодательных актах — законах о гендерном равноправии, законах о запрете гендерного насилия, а также создания специальных национальных институтов (национальных механизмов), ответственных за реализацию политики гендерного равноправия. В одном из документов ЮНИФЕМ, организации, активно работавшей практически во всех странах СНГ и Балтии и осуществлявшей там специальные «Программы развития ООН», прямо подчеркивалось, что «вопросы гендерного равенства являются центральными для процессов развития, человеческой безопасности, обеспечения прав человека и социальной справедливости... принцип соблюдения гендерного равенства является основополагающей и неотъемлемой составляющей демократического управления и мер по снижению бедности» [7].

В 90-е гг. все государства СНГ и Балтии приступили к формированию институциональных основ гендерного равноправия. В первую очередь были ратифицированы основные международные акты по правам человека, включая Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Кроме того, права женщин в этих государствах были формально защищены нормами законов о труде, о семейных обязанностях, Уголовными и Административными кодексами. Были созданы также разного рода парламентские, министерские и межведомственные органы, советы и секретариаты, номинально ответственные за выполнение норм международного и национального законодательства в области гендерного равноправия; разработаны различные программы и стратегии по его обеспечению, правда, не слишком ресурсно обеспеченные.

Следующим шагом на этом пути стало принятие специальных законов о гендерном равноправии. Законов во многом идеологических, говоривших, в сущности, о направленности государственной гендерной политики, о том, какая роль отводится женщинам и мужчинам в создании новой государственности. В разной редакции и под разными заглавиями такие законы были приняты: в Литве — в 1999 г., Эстонии — 2002 г., Кыргызстане — 2003 г., Украине — 2005 г., Молдове — 2006 г., Азербайджане — 2006 г., Туркменистане — 2007 г., Казахстане — 2009 г., Грузии — 2010 г., Армении — 2013 г. Межпарламентская ассамблея государств — участников СНГ (орган, призванный развивать и координировать законодательство Содружества) в ноябре 2005 г. единодушно проголосовала за модельный закон «О равных правах и равных возможностях женщин

и мужчин». Он был призван ускорить появление подобных законодательных актов в тех странах Содружества, которые не торопились с их разработкой.

Условия принятия гендерно-ориентированного законодательства серьезно различались. Страны Балтии шли по пути гармонизации своих законов с законодательством стран ЕС, куда они были приглашены на рубеже XX—XXI вв. В то же время страны Центральной Азии и Закавказья были вынуждены считаться со стремительно нарастающей волной традиционалистских настроений. Если Украина в 2005 г. при голосовании за закон о гендерном равенстве сумела преодолеть барьер шовинизма — во многом за счет ослабления положений этого закона, то Россия и Белоруссия не смогли с этим справиться и оказались в группе немногих стран СНГ и Балтии, в которых до сих пор нет такого закона. В их число вошли также Латвия и Узбекистан. Случаи этих стран оказались диаметрально противоположными. В Латвии специальный закон о гендерном равноправии не рассматривался, чтобы не дублировать аналогичные нормы, подробно прописанные в целом ряде других законодательных актов, включая Кодекс законов о труде [6, с. 141—148]. В Узбекистане же сами понятия «гендер», «гендерное равноправие» оказались как бы вне закона — они практически не используются. Регулирование проблемы равноправия осуществляется здесь с помощью указов Президента, направленных на «улучшение положения женщин в государственном и общественном строительстве» [6, с. 427]. Однако, по мнению очевидцев, статус женщин в стране был в итоге существенно снижен [19].

По завершении нулевых годов, особенно к 2012—2013 г., отношение к институционализации гендерного равноправия в странах СНГ под напором традиционалистских установок меняется. Чтобы обозначить этот поворот, приведу в качестве примера несколько коротких свидетельств того, как в разные годы поразному воспринимались законодательные акты о гендерном равноправии. Вот что в 2007 г. писала, например, эстонская журналистка Р. Пельс: «В 2004 г. в Эстонии принят Закон о гендерном равноправии. В парламенте он долго обсуждался и откладывался, многие не могли понять, зачем он вообще нужен, приняли в последний момент, так как этого требовало вступление страны в Евросоюз» [12, с. 52]. Украинские СМИ в начале 2006 г. так комментировали принятие Закона о равенстве полов: «С 1 января 2006 г. вступил в силу закон... призванный достичь равенства полов... Но сможет ли он действительно уравновесить права и сломить стереотипы? <...> “Не думаю, что что-то кардинально изменится, — сказала газете «Сегодня» глава общественной организации «Женский консорциум Украины» Наталья Самолевська. — Принятый закон не имеет реального механизма выполнения... Закон не предусматривает санкций в случае его нарушения...» [3]. Такие комментарии, пусть и критические, но по существу вопроса, вскоре ушли в прошлое, их сменили крайне эмоциональные выпады в адрес самой концепции «гендера», положенной в основу законов о гендерном равноправии. Они, в частности, буквально заполонили российский Интернет (см., напр.: [13]) и привели в конечном счете к тому, что законопроект о равноправии, первое чтение которого очень успешно прошло в Государственной думе в 2003 г., был надолго положен под сукно. Кампания «антигендер» едва не стала преградой к принятию аналогичного закона в Армении. Традиционалистские политические силы выступили против него, заявив, что закон может быть использован

для подрыва семейных ценностей: понятие «гендер» якобы будет содействовать пропаганде гомосексуализма, а потому закон предоставит «неоправданные преимущества сексуальным меньшинствам» [8].

Это — знаковые кампании. Похоже, что на постсоветском пространстве завершается определенный этап внедрения гендерных подходов в национальные стратегии развития, целью которых, пусть формально, но являлось изменение в положении уязвимых социальных групп, т. е. преодоление «категориальных социальных неравенств».

К чему привела первая попытка институционального закрепления проблематики гендерного равноправия? Как в странах СНГ (и Балтии в качестве референтной группы) реформировался при этом гендерный порядок — в сторону выравнивания социальных возможностей (статусы, позиции) мужчин и женщин или, напротив, в сторону углубления неравенства (гендерные разрывы) между ними? Ради объективности в поиске ответов на эти вопросы предлагаю обратиться к статистике. Точнее, к данным такого авторитетного источника, как доклады о глобальных гендерных разрывах, которые начиная с 2005 г. готовит неправительственная организация «Всемирный экономический форум» (ВЭФ) в Давосе, куда входят признанные лидеры бизнеса и политики. Но прежде стоит хотя бы в двух словах пояснить, что побудило этот клуб «сильных мира сего» заняться проблематикой гендерного равноправия. К. Шваб, один из его основателей, в предисловии к последнему из этих докладов так объяснял причины гендерной чувствительности ВЭФ: «Ключом для будущего любой страны и любого учреждения является возможность привлечения лучших талантов. В будущем талант будет более важным, чем капитал или что-либо еще... Женщины составляют половину мирового человеческого капитала. Поэтому расширение прав и образование девочек и женщин, использование их талантов и лидерства в глобальном масштабе — основные элементы успеха и процветания во все более конкурентном мире» [21]. Конкуренция в преодолении гендерного неравенства, по замыслу Шваба, должна стимулировать различные страны активнее добиваться раскрытия потенциала женщин в духе популярной ныне стратегии эмпауэрмента (обретение власти, возможностей, овладение собственной силой, талантом)³. Чтобы усилить эту конкуренцию и составляются доклады ВЭФ. Первый доклад, который был подготовлен в 2005 г. и получил красноречивое название «Женщины на пути к обретению власти: измеряя глобальный гендерный разрыв» («Women's empowerment: measuring global gender gap»), рассматривался как пилотный. Он охватывал всего 58 стран мира. Но именно на его основе были разработаны методика и инструментарий измерения гендерного неравенства в различных странах мира. Последний стал известен как индекс гендерного разрыва (gender gap index).

Индекс гендерного разрыва выводится на основе замера показателей реальных возможностей деятельности мужчин и женщин в четырех сферах:

— экономики (показатели мужской и женской заработной платы за труд равной ценности, участия мужчин и женщин в принятии решений, их доступа к должностям и профессиям, требующим высокой квалификации);

---

³ Подробнее о концепте «эмпауэрмент» см.: [2].

— образования (показатели доступности всех ступеней образования для лиц женского и мужского пола);

— здравоохранения (показатели продолжительности жизни, доступа к услугам здравоохранения, а также соотношения полов при рождении);

— политики и государственного управления (показатели представительства мужчин и женщин в органах власти всех ветвей (законодательная, исполнительная, судебная) и уровней (национальный или федеральный, региональный, местный)).

Каждый показатель имеет определенное цифровое выражение — от 0, означающего полное неравенство, до 1, означающей полное равенство. Сначала индекс вычисляется по каждой из этих сфер — как показатель разрыва возможностей в ней, а затем выводится обобщенный индекс — как свидетельство наличных возможностей женщин и мужчин в той или иной стране. Важно отметить, что при этом фиксируется не уровень достижений, скажем, в мужском или женском образовании, а именно показатель возможностей (точнее, разрыва возможностей) для получения образования у женщин и мужчин. И поэтому показатели равноправия высокоразвитых стран, таких как США, Великобритания, Франция, могут оказаться гораздо ниже, чем показатели, например, Никарагуа.

По существу, в этих докладах измеряется глубина гендерного «категориального неравенства». Полученные данные позволяют определить и эту глубину в различных сферах, и место той или иной страны в общем рейтинге глобального гендерного разрыва, а также, при сопоставлении с данными этих стран за предыдущие годы, скорость, с которой происходят перемены в положении женщин и мужчин. Иными словами, выявить осуществляются ли на практике в той или иной стране гендерно-ориентированные законы и программы.

Впервые эта методика была использована при подготовке Доклада ВЭФ в 2006 г. С тех пор ежегодно доклад «Глобальный гендерный разрыв» представляется мировому сообществу на Всемирном форуме в Давосе. На текущий момент подготовлено 8 таких докладов. Последний из них, «Глобальный гендерный разрыв — 2013» [22], содержит данные о ситуации с гендерным разрывом в 136 странах мира, а также сравнительные данные всех предыдущих докладов. Судя по ним, ни одна страна мира пока не сумела полностью преодолеть гендерные разрывы. Например, занимающая первое место по общему индексу гендерного разрыва, а также по индексам образования и политического участия Исландия по индексу экономических возможностей женщин и мужчин оказалась лишь на 22-й позиции. Финляндия, имеющая второе место по общему индексу, по индексу экономических возможностей стоит на 19-й позиции. Норвегия, идущая след за Финляндией, получила только 93-е место по показателю возможностей в сфере здравоохранения [22]. В то же время обозреватели отмечают, что после 2006 г. в мире наблюдается ослабление гендерной дискриминации. Из 111 стран, попавших во все рейтинги в 2006—2013 гг., 98 стран (88 %) улучшили свои показатели. Однако скорость сокращения гендерного разрыва в большинстве стран относительно невелика. Наибольший же прогресс обнаруживается при сравнительном анализе в сферах здравоохранения и образования. Глобальные значения соответствующих индексов еще в 2012 г. были равны 96 и 93 % (т. е. гендерный разрыв преодолен соответственно

на 96 и 93 %). Гендерный разрыв в экономической и политической сферах остается гораздо более значимым [14].

Какова же, с этой точки зрения, ситуация с индексом гендерного разрыва в странах СНГ и Балтии? О ней можно судить по таблице, которая была составлена мною на основе докладов 2013 и 2006 гг. (по Таджикистану, Армении и Азербайджану данные приводятся за 2007 г.). В нее включены показатели 13 стран Балтии и СНГ, т. к. в докладах отсутствовали сведения о ситуации в Белоруссии и Туркменистане на 2006 и 2013 гг., в Узбекистане — на 2013 г. Кроме того, сведены воедино все выявленные в 2013 и 2006(7) гг. *индексы гендерного разрыва*: общий для каждой из стран СНГ и Балтии, индексы, обозначающие возможности мужчин и женщин в сферах экономики, образования, здравоохранения, политики и государственного управления. Также, в соответствии с индексами, обозначены *места* этих стран *в общем мировом рейтинге* (136 стран в 2013 г., 116 стран в 2006(7) г.). Страны сгруппированы по этому последнему показателю.

Если говорить о постсоветском пространстве в целом, то лидером по положению в рейтинге 136 стран, а также сокращению гендерного разрыва по всем обозначенным индексам является Латвия. Литва идет вслед за ней. Но по показателю экономических возможностей женщин и мужчин Литву явно опережает Казахстан. По показателю равных возможностей в сфере образования Литва оказывается в середине нашего списка, пропуская вперед Украину, Армению, Россию, Эстонию. По показателям возможностей в сфере здравоохранения Литва оказывается на 3-м месте, пропуская вперед только Казахстан, а по показателю возможностей в сфере политики вновь выходит на 2-е место.

При этом индексы гендерного разрыва в каждом из 5 измерений у Латвии в 2013 г. по сравнению с 2006 г. сократились, хотя место в рейтинге 136 стран по обеспечению равных возможностей в сфере политики стало более низким: в этом плане страна отстает от общемировых скоростей преодоления гендерного неравенства. Явно отстает от них и Литва, хотя индексы гендерных разрывов у нее сокращаются, кроме индекса образования, который довольно резко возрос. Эстония существенно уступает своим соседям. По общему месту в нашем списке ее обгоняют Казахстан и Молдова. У Эстонии хуже показатели индексов равных возможностей в сфере экономики и политики, но лучше, чем у Казахстана и Молдовы, в сферах образования и здравоохранения.

Казахстан, который закрепился на 32-м месте в общемировых рейтингах 2006 и 2013 гг., занимает общее 3-е место в нашем списке. По здравоохранению он делит с Латвией 1-е место: индекс равен 1, по обеспечению экономических возможностей мужчин и женщин оказывается на 2-м, по возможностям в сфере политики занимает 3-е место, но по возможностям доступа к образованию оказывается только на 7-м.

Молдова, имевшая в общемировом рейтинге 2006 г. весьма почетное 17-е место, переместилась в 2013 г. на 52-е. При этом ухудшились показатели всех представленных гендерных индексов, что является знаком усиления гендерного неравенства. Хотя Молдова остается на высоком 4-м месте в нашем списке, именно для нее характерна ситуация обеспечения равенства женщин и мужчин «в условиях бедности».

**Индекс гендерных разрывов* в странах СНГ и Балтии /
место каждой страны в мировом рейтинге**

Страна	Общие показатели	Показатели по отраслям			
		Экономика	Образование	Здоровье	Политика
Латвия					
2013 г.	0,7610/12	0,7767/17	1/1	0,9796/1	0,2875/26
2006 г.	0,7091/19	0,7051/20	0,9308/ 85	0,9796/1	0,2207/21
Литва					
2013 г.	0,7308/28	0,7688/21	0,9928/60	0,9791/34	0,1826/47
2006 г.	0,7077/21	0,7133/15	0,9979/24	0,9791/36	0,1415/39
Казахстан					
2013 г.	0,7218/32	0,7706/20	0,9913/69	0,9796/1	0,1458/65
2006 г.	0,6928/32	0,7113/16	0,9902/53	0,9791/36	0,0888/69
Молдова					
2013 г.	0,7037/52	0,7407/32	0,9907/74	0,9791/34	0,1043/87
2006 г.	0,7128/17	0,7604/2	0,9942/37	0,9796/1	0,1172/50
Эстония					
2013 г.	0,6997/59	0,7228/41	0,9931/59	0,9791/34	0,1038/88
2006 г.	0,6944/29	0,6824/27	0,9992/16	0,9791/36	0,1167/51
Узбекистан					
2013 г.	н. д.	н. д.	н. д.	н. д.	н. д.
2006 г.	0,6886/36	0,7402/6	0,9628/75	0,9766/55	0,0749/78
Россия					
2013 г.	0,6983/61	0,7204/42	0,9984/36	0,9791/34	0,0951/94
2006 г.	0,6770/49	0,6963/42	0,9991/18	0,9791/36	0,0337/108
Кыргызстан					
2013 г.	0,6948/63	0,6789/60	0,9888/77	0,9730/75	0,1383/71
2006 г.	0,6741/52	0,6865/26	0,9952/32	0,9796/1	0,0353/107
Украина					
2013 г.	0,6935/64	0,7426/30	0,9998/27	0,9730/75	0,0587/119
2006 г.	0,6797/48	0,6909/24	0,9978/25	0,9796/1	0,0505/97
Грузия					
2013 г.	0,6750/86	0,6741/64	0,9790/89	0,9553/126	0,0915/97
2006 г.	0,6700/54	0,6565/41	0,9967/28	0,9227/115	0,1042/59
Таджикистан					
2013 г.	0,6682/90	0,7284/38	0,8993/110	0,9559/123	0,0891/100
2007 г.	0,6578	н. д.	н. д.	н. д.	н. д.
Армения					
2013 г.	0,6634/94	0,6384/82	0,9995/29	0,9497/131	0,0662/115
2007 г.	0,6651	н. д.	н. д.	н. д.	н. д.
Азербайджан					
2013 г.	0,6582/99	0,6591/72	0,9820/85	0,9254/136	0,0663/114
2007 г.	0,6781	н. д.	н. д.	н. д.	н. д.

* 0 — полное неравенство, 1 — полное равенство.

Россия в общемировом рейтинге опустилась с 49-го места в 2006 г. до 61-го в 2013 г. Ее показатели неоднозначны: при явном снижении места в общемировом рейтинге, российский общий индекс гендерного разрыва слегка уменьшился — за счет показателей сокращения разрывов в сферах экономики и политики. Но явно ухудшился показатель равных возможностей в сфере образования, которыми страна заслуженно гордилась в XX в.

Отрицательную динамику показателей 2013 и 2006 гг. дают в целом Украина и Киргизия (при улучшении у Киргизии только одного индекса — политических возможностей), а также Грузия, продемонстрировавшая резкий обвал возможностей женщин в сферах образования и здравоохранения.

Очень значимые индексы гендерного разрыва по всем сферам демонстрируют в 2013 г. Таджикистан, Армения и Азербайджан. Азербайджан занимает последнее, 136-е место в общемировом рейтинге по индексу разрыва возможностей женщин и мужчин в сфере здравоохранения. Чуть выше него по этому индексу, на 131-м месте, оказывается Армения, занимающая при этом вполне достойное 29-е место в общемировом рейтинге по возможностям в сфере образования. Самый существенный разрыв возможностей в сфере образования, как видно из данных таблицы, имеют женщины и мужчины Таджикистана.

Увеличение гендерного разрыва в сферах образования и здравоохранения фиксируется практически во всех странах, входящих в СНГ, даже в Казахстане (выделяющемся на общем фоне своей стабильностью), что явно противоречит общемировым гуманитарным тенденциям. Это значит, что политика государственного патернализма, характерная для советского времени, в этих сферах вытесняется — под напором курса на «свободные рыночные отношения». Между тем общее снижение позиций стран СНГ, за исключением Казахстана, в мировом рейтинге глобального гендерного разрыва свидетельствует об отсутствии реальной, сколько-нибудь значимой политики по обеспечению гендерного равноправия. Как это ни покажется банальным, но приходится фиксировать очевидное несовпадение в этих странах ситуации с гендерным равноправием де-юре и де-факто. Разумеется, в каждой стране по-разному — на свой манер — категориальное неравенство по признаку пола в последние годы усиливается. Таков тренд. Но можно ли на этом основании утверждать, что формальные институты гендерного равноправия оказались здесь совсем не работающими, сугубо имитационными? Без специальных сравнительных исследований по всей совокупности стран СНГ я бы не рискнула этого делать. В определенных условиях даже номинальные институты гендерного равноправия могут начать реально функционировать.

Кроме того, если ввести в данный сюжет такой важнейший параметр, как политические условия, в которых происходило закрепление институтов гендерного равноправия на пространстве СНГ, то зафиксированная в нашей таблице ситуация покажется менее катастрофической, чем она могла бы быть. По многим влиявшим на нее причинам. В их числе — советское наследие в виде навыка имитационного использования норм гендерного равноправия, а также государственного контроля над женскими организациями и с их помощью — над массовым женским сознанием. С другой стороны — утверждение национальной идентичности за счет отказа от всего «советского»,

прежде всего от эмансипации женщин, и возврата к исконно традиционным ценностям, включая патриархатный гендерный порядок. И наконец, политика государственного строительства путем перераспределения власти и ресурсов между различными элитными группами, или кланами, за счет мобилизации масс и их втягивания в вооруженные конфликты. Эта причина представляется мне едва ли не самой важной.

Вооруженные конфликты, порой перераставшие в гражданские или межгосударственные войны, в то или иное время вспыхивали практически во всех странах СНГ. Перечислю только некоторые из них: Нагорно-Карабахский конфликт с массовыми акциями гражданского неповиновения — митингами, шествиями, забастовками, фактически обернувшийся войной между Арменией и Азербайджаном (начало 90-х гг.); вооруженный конфликт между Молдавией и Приднестровьем с теми же признаками (начало 90-х гг.); гражданская война в Таджикистане (1992—1997 гг.), причиной которой стало противостояние между бывшей коммунистической элитой и националистическими силами; неоднократные вторжения исламских радикалов на территорию Узбекистана со стороны Таджикистана (90-е гг.); попытка государственного переворота в Туркменистане (2002 г.); вооруженный конфликт на российской территории в Чечне, все еще сказывающийся на ситуации на Северном Кавказе (90-е гг.); российско-грузинский вооруженный конфликт (2008 г.) и т. д.

Политика мобилизации масс подпитывала и череду так называемых цветных революций, охвативших в нулевые годы все пространство СНГ. Это и «революция роз» в Грузии (2003 г.), и две революции в Киргизии (2005 и 2010 гг.), и «оранжевая революция» на Украине (2005 г.), а затем революция 2013—2014 гг., практически переросшая в гражданскую войну. В этот же ряд можно поставить: выступления оппозиции в Азербайджане (2005 г.), в Узбекистане (Андижан, 2005 г.), Белоруссии (2006 г.), Армении (2008 г.), Молдове (2009 г.); беспорядки и массовые волнения в Казахстане (Жаозен, 2011 г.); массовые акции протеста 2011—2012 гг. в России.

По выводам Ч. Тилли, сделанным на основе обширного фактического материала, вооруженные конфликты, гражданские войны — это потрясение для любого режима. Они с неизбежностью обращают вспять процесс демократизации, углубляя, в числе прочего, «категориальные неравенства» [18, с. 215]. В условиях вооруженных конфликтов с неизбежностью резко снижается потенциал гражданской активности: его подавляет военная дисциплина, которая не дает проявиться росткам самоорганизации и гражданской инициативы. Кроме того, и это значимо для моего сюжета, вооруженные конфликты и связанная с ними пропагандистская деятельность апеллируют к агрессивной, насильственной маскулинности. «Война — это мир мужчин», — справедливо заметила Ж. Папич [11, с. 13], исследовавшая сходные процессы на территории экс-Югославии.

Женщинам в данных условиях остается нести непосильное бремя борьбы за существование. И это видно по составленной мною таблице гендерных разрывов в странах СНГ, особенно по индексам возможностей в сферах здравоохранения и образования. Приведенные показатели подтверждаются заключениями экономистов, которые отмечают, что в целом страны СНГ представляют собой зону социального неблагополучия. Понятно, что уровень доходов населения значительно

отличается от страны к стране. В то время как жители Белоруссии имеют доход, сопоставимый с жителями Центральной и Восточной Европы (по паритету покупательной способности), в Киргизии и Таджикистане граждане получают меньше, чем в африканских странах [15]. В этих странах от 35 до 50 % населения имеют доходы ниже величины прожиточного минимума. В Молдавии, Армении и на Украине около четверти населения имеют такие же доходы.

Все это — признаки процесса де-демократизации стран СНГ, в условиях которого институты гендерного равноправия, конечно, можно рассматривать в качестве инструмента грядущей модернизации, но только в очень отдаленной перспективе и при очень благоприятных обстоятельствах, о чем пока говорить преждевременно.

Библиографический список

1. Айвазова С. Г. Гендерный порядок в России: возможности и пределы модернизации : (опыт использования институциональной методологии) // Новые направления политической науки : гендерная политология. Институциональная политология. Политическая экономия. Социальная политика / отв. ред. С. В. Патрушев. М. : РАПН : РОССПЭН, 2007. С. 69—84.
2. Айвазова С. Г. Стратегия «эмпваэрмент» в контексте массовой политики : (гендерный аспект) // Женщина в российском обществе. 2013. № 3. С. 3—12.
3. В Украине вступил в силу Закон о равенстве полов. URL: <http://today.viaduk.net> (дата обращения: 30.05.2014).
4. Воронина О. А. Государственные механизмы обеспечения гендерного равенства // Гендерное равенство в современном мире : роль национальных механизмов / отв. ред. О. А. Воронина. М. : Макс-Пресс, 2008. С. 11—26.
5. Гапова Е. И. О гендере, нации, классе в посткоммунизме // Гендерные исследования. 2005. № 13. С. 35—48.
6. Гендерное равенство в современном мире : роль национальных механизмов / отв. ред. О. А. Воронина. М. : Макс-Пресс, 2008. 772 с.
7. Гендерный маршрут. Внедрение гендерных подходов в национальные стратегии развития : опыт ЮНИФЕМ в странах СНГ. URL: http://gender-route.org/articles/sex_gender_practice/vnedrenie_gendernih_podhodov_v_nacionalnye_strategii_razvitia_opyt_yunifem_v_stranah_sng/ (дата обращения: 30.05.2014).
8. Григорян М. Армения : борьба против равенства полов выливается в борьбу против Европейского союза. URL: <http://russian.eurasianet.org/node/60336> (дата обращения: 10.06.2014).
9. Журженко Т. Ю. Социальное воспроизводство и гендерная политика в Украине. Харьков : Фолио, 2001. 240 с.
10. Здравомыслова Е., Тёмкина А. Неотрадиционализм(ы) — трансформация гендерного гражданства в современной России // Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб. : Изд-во ЕУСПб, 2007. С. 201—2012.
11. Панич Ж. Национализм, война, гендер // Гендерные исследования. 1999. № 5. С. 13—25.
12. Пельс Р. Дискриминация женщин латентна, но несомненна // Пейзаж после битвы : гендерное измерение постсоветского медийного пространства и политика равенства МФЖ. М. : Эслан, 2007. С. 52—56.
13. Рябиченко Л. Настоящая правда о гендере // Сайт Института высокого коммунитаризма. URL: http://communitarian.ru/publikacii/kritika_politicheskogo_razuma/nastoyaschaya_pravda_o_gendere_111120121630/ (дата обращения: 13.06.2014).

14. *Сакевич В. И.* Есть ли в мире страны, преодолевшие гендерное неравенство? // Демоскоп weekly. 2013. № 563/564. URL: <http://www.opes.ru/156327/html> (дата обращения: 01.06.2014).
15. *Соколова Т. В.* Модернизация на постсоветском пространстве: социальный ракурс // Журнал Новой экономической ассоциации. 2011. № 11. С. 157—160.
16. Социальное развитие стран СНГ. URL: <http://rfwiki.org> (дата обращения: 29.05.2014).
17. *Тёмкина А. А.* Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой. СПб. : Изд-во ЕУСПб, 2008. 376 с.
18. *Тили Ч.* Демократия. М. : Ин-т общественного проектирования, 2007. 267 с.
19. *Тохдаходжаева М.* Между лозунгами коммунизма и законами ислама. Ташкент : Женский ресурсный центр, 2000. 224 с.
20. *Ostrom E.* Understanding Institutional Diversity. Princeton University Press, 2005. 502 p.
21. *Schwab K.* Preface // The Global Gender Gap Report, 2013. URL: <http://www3.weforum.org/docs/WEF> (дата обращения: 10.06.2014).
22. The Global Gender Gap Report, 2013. URL: <http://www3.weforum.org/docs/WEF> (дата обращения: 10.06.2014).

ББК 60.561.51

А. А. Гнедаш, Е. А. Степанова, Д. А. Тезадова

**СТРАТЕГИИ И ТЕХНОЛОГИИ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЕМЬИ И ГОСУДАРСТВА
В УСЛОВИЯХ ФОРМИРУЮЩЕГОСЯ
ПОСТИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА
(Обзор зарубежного опыта)**

Современная семейная политика как система взаимодействия семьи и государства состоит из ряда государственных политик. Они регулируют социальные и семейно-родительские права, связанные, во-первых, с брачными отношениями, которые включают организацию и функционирование брака через гражданское право, определение супругов в государственных системах социального обеспечения (например, пенсии по вдовству, предоставление супругу/супруге доступа к услугам здравоохранения) и налоговых системах (например, косвенный или прямой налоговый вычет); во-вторых, с родительскими отношениями (рождение детей и уход за ребенком/детьми), которые включают репродуктивные права (аборт, планирование семьи), политики материнства, политики родительского декретного отпуска, систему здравоохранения/образования детей, систему детских пособий и выплат, а также политику присмотра за детьми

© Гнедаш А. А., Степанова Е. А., Тезадова Д. А., 2014

Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для молодых российских ученых — кандидатов наук (проект № МК-6036.2014.6 «Стратегии и технологии взаимодействия семьи и государства в условиях формирующегося постинформационного общества»).